

Погодите,
как вы
сказали?

И другие
вопросы
жизненной
важности

Джеймс Райан

декан Гарвардской

высшей педагогической школы

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Оглавление

Введение. Зачем мы задаем вопросы?	11
Глава 1. Погодите, как вы сказали?	33
Глава 2. Хотелось бы знать... ..	51
Глава 3. Можем ли мы хотя бы... ..	75
Глава 4. Чем я могу помочь?	97
Глава 5. Что по-настоящему важно?	121
Заключение. Бонусный вопрос	145
Благодарности	155

[>>> Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Введение

Зачем мы задаем вопросы?

[>>> Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Если хотите знать, в жизни есть пять по-настоящему важных вопросов. Их просто необходимо регулярно задавать себе и другим: это поможет вам стать по-настоящему счастливым и успешным человеком. Мало того, вы сумеете дать положительный ответ на вопрос, который в этой книге называется бонусным, хотя он, вероятно, наиважнейший из всех возможных.

Прежде чем вы закатите глаза или, того хуже, перестанете читать, позвольте сказать следующее: я и сам понимаю, что мое заявление в предыдущем абзаце чересчур пафосно. Единственное, что меня хотя бы отчасти извиняет, — это что моя книга родилась из речи на выпускной церемонии в университете, а по закону жанра такие речи и должны звучать пафосно. В любом случае не судите слишком строго, по крайней мере, пока. Надеюсь, что моя книга богаче и увлекательнее, чем речь на выпускном. И уж точно объемнее.

Речь я произнес по долгу службы, поскольку занимаю пост декана Гарвардской высшей педагогической школы. Каждый год, провожая наших выпускников во взрослую жизнь, я обязан обратиться к ним с коротким напутственным словом, но это слово у меня обычно получается куда длиннее, чем полагается. Выпускники и их родные обязаны выслушать мое напутствие, так уж повелось: чтобы получить в руки вожделенный диплом о высшем образовании, они вынуждены, отчаянно борясь со скукой (не говоря об опасности схватить тепловой удар), безропотно выслушивать все обращенные к ним банальности и штампы. Своей

прошлогодней выпускной речью о правильных вопросах я более или менее доволен. Не сказать, что она выдающаяся, но в целом недурна.

Никак не ожидал, что моя речь станет «вирусной», но она, как ни удивительно, и впрямь пошла в народ. Миллионы людей посмотрели в интернете коротенький ролик с этой речью. Многие оценили ее очень высоко. Впрочем, встречались отзывы довольно сердитые и откровенно ругательные. Большинство из них я помню до сих пор, и, кстати, некоторые из них презабавны. Ничего не поделаешь, таковы причуды мира онлайн-комментариев и моей психики.

И что же? Не успел я оглянуться, как получил письмо от редактора издательства, в котором мне предлагалось переделать речь в книгу. А вы не успели оглянуться, как стали ее читателями, по крайней мере, дочитали до этого места.

Итак, зачем, спросите вы, нужна речь, а потом и отдельная книга, о том, как важно задавать хорошие вопросы вообще и пять жизненно важных в частности? И это тоже хороший вопрос. (Чувствуете, куда я клоню?) Мой ответ, по крайней мере в определенной степени, обусловлен личными причинами.

Меня с детства обуревала жажда, если не сказать мания, задавать вопросы. Подобно большинству малышей, я был неутомимым почемушкой. Но в том-то и беда, что я так и не избавился от этой детской привычки, чем доставляю особенные неудобства родным и друзьям. Вспоминаю не без стыда, сколько наших мирных семейных трапез я отравил

своей надоедливостью и как туго приходилось моим родителям и особенно бедняжке сестре под шквалом моих настыранных «почему» да «зачем».

С возрастом мои вопросы из разряда невинно-любопытных «почему небо голубое» постепенно перешли в разряд тех, что более уместны в устах адвоката при перекрестном допросе свидетеля, чем за семейным столом, разве что в моих было больше настойчивости, чем желания «прижать допрашиваемого». Ну или так я, во всяком случае, считал. Я надоедал родителям вопросами, почему они верят в определенные вещи и есть ли у них на то весомые основания. Например, я просил маму доказать, что Рональд Рейган станет хорошим президентом, и без конца требовал от отца объяснить, почему из Рональда Рейгана достойного президента не получится. Их обоих я донимал вопросом, чем они докажут, что Папа Римский — это действительно наместник Бога на земле. Впрочем, не всегда я был так серьезен. С не меньшей страстью я подвергал своих родителей «перекрестным допросам» на вполне житейские темы. Скажем, допытывался, на каком основании они решили, что мне полезно есть брюссельскую капусту и почему кто-то вообще посчитал, будто печень и репчатый лук можно употреблять в пищу.

Короче, я был несносен. Отец, никогда не учившийся в колледже, ума не мог приложить, как быть с нескончаемым потоком моих вопросов и с тем фактом, что природа, похоже, наградила его сына всего двумя талантами: задавать

вопросы и кидать мяч. В отличие от него, я не имел ни малейших склонностей к технике и ничего не умел делать руками. Практических навыков и природной сноровки у меня не было совершенно. Зато никогда не иссякали вопросы, и отец не раз в сердцах восклицал, что мне надо пойти в юристы. Он не мог представить, что я смогу зарабатывать себе на жизнь чем-то другим.

Кончилось тем, что я последовал совету отца и, окончив колледж, поступил в университет на юридический факультет. Вот где я попал в родную стихию. На юридическом факультете преподавали по методу Сократа, во всяком случае, в некой его разновидности. Преподаватели вызывали студентов и задавали вопрос за вопросом, чтобы проверить, ведут ли их ответы к дополнительному разбирательству или выставляют факты в несколько ином свете. Серии таких вопросов при правильной постановке заставляют студентов глубже продумывать, какие логические рассуждения вытекают из приведенных ими аргументов, и выявлять общие правовые принципы, равно применимые в различных контекстах.

На юридическом факультете я сразу почувствовал себя среди людей из того же теста, что и сам. Это и стало одной из причин, почему после нескольких лет юридической практики я решил переключиться на преподавание права.

Вскоре после того как я начал преподавать в школе права Виргинского университета, где сам в свое время отучился, мои родители приехали ко мне в Шарлотсвилл. Отец

попросил разрешения присутствовать на одном из моих занятий. И сейчас, вспоминая тот день, я чувствую пронзительную горечь, зная, что то был первый и единственный данный моему отцу шанс увидеть меня за преподавательской кафедрой. Уже через несколько месяцев он скоропостижно скончался от сердечного приступа.

Отца немного удивило мое решение стать преподавателем. Он знал, как по душе пришлось мне юридическая практика, и не мог до конца поверить, что преподавание права — это настоящая работа. Но когда он своими глазами увидел, как я веду занятие, когда услышал, как я засыпаю своих студентов вопросами, он уверился, что мне удалось-таки найти то единственное дело на свете, к которому у имел природную склонность. «Вот для чего, оказывается, ты был рожден», — сказал мне отец и больше в шутку, чем всерьез заметил, что ему не верится, как мне могут платить — ведь я всего лишь задаю студентам такие же надоедливые вопросы, как те, которыми в детстве изводил их с мамой за нашими семейными обедами.

После пятнадцатилетней практики преподавания в Виргинском университете я неожиданно-негаданно получил предложение занять место декана в Гарвардской высшей педагогической школе. А надо сказать, на протяжении всей карьеры образовательное законодательство неизменно оставалось в центре моих профессиональных интересов: я преподавал его и писал на эту тему научные статьи. Так что переход в педагогическую школу не выглядел совершенным

сумасбродством с моей стороны. А кроме того, я всегда дорожил любой возможностью получить больше знаний, памятуя, какую огромную пользу дала мне учеба — сначала в моем родном городке на севере штата Нью-Джерси, а позже в Йеле и Виргинском университете.

Хотя мои родители так и не окончили колледжа, оба они свято верили в силу и могущество образования, я же имел шанс на собственном опыте испытать это. Преподаватели муниципальной школы, где я учился, помогли мне поступить на первый курс в Йельский университет, и это в корне изменило мою жизнь: открылись двери, о существовании которых я даже не подозревал. Учеба в университете натолкнула меня на вопрос, ответ на который занимает меня практически всю профессиональную жизнь: почему наша система государственного образования одним детям приносит такую несомненную пользу, а многим другим не дает практически ничего, в особенности детям из малоимущих слоев? Так вот, я согласился на должность декана в Гарварде, поскольку увидел в этом шанс — из тех, что выпадают всего раз в жизни — влиться в команду энтузиастов, беззаветно преданных идее образования и решительно настроенных улучшить образовательные возможности для учащихся, которых система слишком часто и незаслуженно сбрасывает со счетов.

В первый же год деканства я убедился, что нашему брату приходится много и часто выступать с разными речами. А самая важная среди них — речь на выпускной церемонии.